

U.D.C. 316.77

УДК 316.77

INFORMATION SECURITY AS A FACTOR OF STRENGTHENING THE DEFENSE POTENTIAL OF UKRAINE

T. Voropaeva, Candidate of Psychology, Associate Professor,
Senior Research Associate
Kiev National University named after T. Shevchenko, Ukraine

The author considers the role of information security in the process of strengthening the defence potential of Ukraine. It is proved that inclusion of psychological aspect of information security allows adequately counteracting the destructive information impact on the citizens of Ukraine, consolidating the Ukrainian society, optimizing the formation of a common identity and organizing the world-outlook mobilization of citizens of Ukraine in order to strengthen the country's defence potential.

Keywords: information security, information aggression, identity, defence potential, citizens of Ukraine.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ УКРАИНЫ

Воропаева Т.С., канд. психол. наук, доцент, ст. науч. сотр.
Киевский национальный университет им. Т. Шевченко,
Украина

В статье рассматривается роль информационной безопасности в процессе укрепления обороноспособности Украины. Доказано, что учет психологического измерения информационной безопасности позволяет адекватно противодействовать деструктивным информационным воздействиям на граждан Украины, консолидировать украинское общество, оптимизировать формирование общей идентичности и организовать мировоззренческую мобилизацию граждан Украины для укрепления ее обороноспособности.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационная агрессия, идентичность, обороноспособность, граждане Украины.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:spms.v0i10.1472>

В 2014 году сформированная после Второй мировой войны система безопасности, которая гарантировала относительную стабильность на европейском континенте, была полностью разрушена. Новые геополитические условия обострили старые и активизировали новые конфликты, что существенно актуализировало проблему обеспечения информационной безопасности многих современных государств. Сегодня информация стала универсальным стратегическим ресурсом, который не только влияет на формирование позитивного имиджа того или иного государства, на качество управления политико-правовыми, экономическими и социокультурными процессами, но и определяет выживание современных государств и сохранение их суверенности. Это относится к системе информационной безопасности и ее роли в укреплении обороноспособности Украины.

Всестороннюю разработку категорий «информация», «информационное воздействие», «информационное общество», а также информационное видение многих явлений и процессов в мире предложили в своих научных работах А. Бард, П. Бергер, З. Бжезинский, Н. Винер, Д.А. Волкогонов, Д. Гилмор, А. Гор, А. Кин, Г. Кисинджер, П. Лазарсфельд, Г. Лассуэл, Г.В. Вусс, М. Маклюен, Й. Масуда, Ф. Машлуп, В.Э. Нерсисян, М. Постер, Дж. Роджерс, Э. Тоффлер, Т. Умесао,

С. Хантингтон, У. Швартоу и многие другие. Феномен информационной безопасности личности, общества и государства комплексно изучается, начиная с конца 1980-х годов (см. работы таких ученых, как Р.Ф. Абде-ев, Э.М. Андреев, Н.А. Брусницын, Г.Н. Вачнадзе, Г.В. Грачев, А.Б. Губарев, А.А. Деркач, А.Л. Журавлев, И.И. Завадский, Г.М. Зараковский, С.Э. Зуев, В.З. Коган, А.Н. Кочергин, Э.П. Крюкова, Н.В. Куликова, О.Г. Ламинина, В.В. Латынов, В.А. Лисичкин, А.В. Литвиненко, А.В. Манойло, А.В. Миронов, И.А. Михальченко, А.А. Мухин, Ю.А. Нисневич, И.Н. Панарин, А.И. Петренко, А.В. Поляков, Г.Г. Почепцов, С.П. Расторгуев, С.К. Роштин, Г.Л. Смолян, В.А. Соснин, А.А. Стрельцов, Г.Г. Феоктистов, Д.Б. Фролов, А.Т. Хлопьев, Л.А. Цымбал, Л.А. Шелепин, И.А. Шермет, Ю.А. Шерковин и др.) [1; 2; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

Мы полностью согласны с О.Г. Ламиной, которая подчеркивает, что умение граждан страны противостоять информационно-психологической войне имеет большое значение в обеспечении обороноспособности любого современного государства. О.Г. Ламинина отмечает, что основная роль в современных информационных войнах отводится спутниковому телевидению, создающему стереотипы и внедряющему их в массовое сознание, что эффективность телевидения

предопределяется, как его широким распространением, так и мощным воздействием визуального ряда, который навязывает зрителю «картинку», не оставляя времени для анализа обрушивающейся на него информации [8]. Известно, что в сентябре 2000 г. была принята Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, «предполагалось, что затем будет разработана и принята российская Доктрина информационного противоборства (в США она была принята в 1998 году). Однако из-за субъективных факторов она не была разработана» [8]. О.Г. Ламинина считает, что отсутствие данной Доктрины проявилось в августе 2008 г. и в начале декабря 2011 г., когда Россия «оказалась не готова отражать комплексные информационные наступательные операции геополитических противников» [8]. В 2012 г. на сайте Министерства обороны РФ появился документ «Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве», где описана стратегия поведения России в кибернетической войне. Придерживаясь данной Концепции, «Вооруженные Силы Российской Федерации будут стремиться к максимальному использованию возможностей информационного пространства для укрепления обороноспособности государства, сдерживания и предотвращения военных конфликтов,

развития военного сотрудничества, а также формирования системы международной информационной безопасности в интересах всего мирового сообщества» [8]. Примечательно, что в данном документе: 1) «не исключается возможность ответа на угрозу в виртуальном пространстве действиями, принятыми в реальных войнах», «с применением любых избранных способов и средств»; 2) «в интересах индивидуальной и коллективной самообороны предполагается размещение своих сил и средств обеспечения информационной безопасности на территории других государств» [8].

Многие российские эксперты утверждают, что их страна не готова к полноценному отражению информационной агрессии. Если же говорить об Украине в этом плане, то в нашей стране проблема информационной безопасности долгое время просто игнорировалась. К сожалению, в Украине большее внимание уделяется, прежде всего, информационно-техническому «измерению» информационной безопасности (то есть безопасности машинно-технических средств, программного обеспечения, средств и режима защиты от несанкционированной утечки информации), а не политико-психологическим и духовно-мировоззренческим аспектам информационной безопасности. Но именно всесторонний учет этих двух измерений информационной безопасности позволит адекватно противодействовать деструктивным информационным воздействиям на граждан Украины, не только путем недопущения дестабилизации функционирования государственных институтов, политико-правовой, энергетической и социально-экономической сфер украинского общества, но и путем профессионального противодействия многолетним попыткам нивелировать духовное единство граждан Украины, подорвать суверенитет и территориальную целостность государства. Такой подход даст возможность консолидировать украинское общество, оптимизировать его ментальную поддержку и организовать мировоззренческую мобилизацию граждан Украины. Ведь информационно-техническое влияние представляет угрозу безопас-

ности информационно-технической инфраструктуры, а психологическое и духовно-мировоззренческое влияние (то есть влияние на индивидуальное и массовое сознание, на коллективное бессознательное, мировосприятие, на ценностные ориентации и коллективные представления населения с целью деформации мотивации, ментальности, идентичности, мировоззрения и поведения личности и общества) представляет угрозу не только национальным интересам, но и обществу и государству в целом, поскольку принадлежит к так называемой ментально-мировоззренческой агрессии, которая способствует полному духовному подчинению соперника в информационной войне.

В наше время любая информационная агрессия связана с деструктивным воздействием на военнослужащих и гражданских лиц, с распространением дезинформации, с манипуляциями информацией, с запугиванием, с проникновением на территорию суверенного государства деструктивных информационных потоков, с разрушением информационных связей между государством (ставшим объектом агрессии) и обществом, со снижением эффективности функционирования государственной власти, с увеличением психологического давления на гражданское население, с навязыванием ошибочных целей и оценок, с распространением слухов и паники, с деморализацией, с формированием пораженческих настроений, с подачей любой информации в выгодном для агрессора ключе. Известно, что негативные информационно-психологические воздействия могут привести не только к деформациям представлений человека о мире, серьезным нарушениям психического и физического здоровья личности, эмоционально-волевым и поведенческим нарушениям, но и к искажениям группового и массового сознания, деструктивным коллективным действиям, серьезным последствиям в духовной и социально-политической жизни общества, общественных организаций и государственных структур. Все это способствует искажению в глазах гражданского населения подлинной картины событий, его переходу на

сторону противника и прекращению любого сопротивления агрессии.

Сегодня противоборствующие стороны используют в информационных войнах различные информационные ресурсы: прессу, радио, телевидение, Интернет, хакерские атаки и т.п. При этом противоборствующие стороны используют методы «заострения внимания», «навешивания ярлыков», «мистификации», «вброса дезинформации», «переноса негативных образов», «наименьшего зла», «утвердительных заявлений», «упрощения проблемы», «игнорирования», «принуждающей пропаганды», «отвлекающей пропаганды», «превентивной пропаганды», «тиражирования страшилок», «эксплуатации авторитетов и групп влияния», «нарушения логических и временных связей между событиями», «выборочного подбора информации», «замены источников сообщения», «разрушения культурных архетипов и базовых ценностей», методы блокирования и искажения информационных потоков и процессов принятия решений. Используются также слухи, домыслы, «фэйки», «лексика ненависти», мифы и стереотипы [3; 4; 5]. Все эти методы были использованы и продолжают использоваться в информационной войне против Украины и украинского народа, которая началась в 1991 году, несколько раз обострялась (в 1994 г., 1995 г., 2000–2001 гг., 2003 г., 2004–2006 гг., 2010–2011 гг. и в 2013–2014 гг.) и закономерно переросла в нынешнюю гибридную войну на востоке Украины.

Современные ученые и политические аналитики считают, что информационная война по своему характеру занимает промежуточное положение между «холодной» войной (включающей также экономические войны) и реальными боевыми действиями с участием вооруженных сил (например, сначала на фоне информационной агрессии ведутся локальные экономические войны между странами «А» и «Б», а потом эти страны переходят к настоящим боевым действиям). Д.О. Рогозин в своем интервью «Российской газете» (опубликованном 28 июня 2013 г.) заявил, что «теперь информационные технологии рассматриваются как оружие первого

удара», а когда «государство-жертва агрессии становится практически парализованным, наносится удар классическими военными средствами» [7]. А.Б. Губарев подтвердил это, справедливо утверждая, что «информационные войны – средство осуществления «новой колонизации» [6, с. 5].

В 1991–2014 гг. наша научно-исследовательская группа отслеживала конструктивное и деструктивное влияние украинских и зарубежных СМИ на формирование коллективной идентичности граждан Украины. Этот мониторинг проводился в рамках нескольких международных научных проектов Центра украинологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, которые были поддержаны Фондом «Возрождение», Фондом Фридриха Эберта, Фондом фундаментальных исследований Министерства образования и науки Украины, а также Ассоциацией украинских банков [3; 4; 5]. В этих проектах были исследованы различные формы коллективной идентичности (религиозная, региональная, этническая, национальная (гражданско-политическая), цивилизационная) граждан Украины, проживающих в разных регионах страны. Всего было изучено 46 000 респондентов от 18 до 89 лет [3; 4; 5]. Опросы проводились во всех областях Украины методом индивидуального интервью по месту жительства. Выборка репрезентативна по основным социально-демографическим показателям. Статистическая погрешность не превышает 2,9%. Были использованы методы контент-анализа, интент-анализа, методика М. Куна – Т. Макпартленда «Кто Я?», адаптированная методика «Шкала измерения идентичности» М. Синереллы и другие методы. Надежность результатов проведенного нами исследования обеспечивалась методологическим обоснованием его исходных позиций; использованием совокупности диагностических методик, адекватных цели и заданиям исследования; объединением количественного и качественного анализа эмпирических данных; использованием методов математической статистики с привлечением современных программ обработки данных, репрезентативнос-

тью выборки.

Данное исследование показало, что многие FM-радиостанции и телеканалы целенаправленно влияли на деформацию патриотических чувств, гуманистических и демократических представлений украинских граждан, популяризировали украинофобию, неосталинизм, имперскую и тоталитарную идеологию, что не способствовало ни консолидации граждан Украины, ни формированию у них целостного мировоззрения и общей идентичности. Можно привести хотя бы несколько примеров подобных деструктивных высказываний (которые систематически активизировали информационную войну против Украины в 1991–2014 гг.): «хитромудрые хохлы, ... пустые балаболки, ... всегда вам нужен пришлый свинопас!»; «Украина? Нет такой державы! Это незаконнорожденный ребенок»; «Украина обречена интересоваться Россией»; «Украина без России вообще не существует»; «Росія без України великою не буде»; «Русский порядок набирает силу!»; «соединение украинской и русской культуры в Украине ничего, кроме пользы, для украинской культуры не даст»; «Мазепа – це взірць зрадника»; «Тараса Шевченка, який пив горілку та спокушав дівчат, не сприймаємо, ... його знову почали підносити до вершин»; «культура України – це пока що само-недостаточна культура»; «спекуляція на національній ідеї веде до розколу суспільства»; «українське суспільство стоїть на грані крові»; «громадянська війна може стати реальністю наших днів»; «Україна буде расчленена»; «український мовний діалект російської мови, ... ці мови відрізняються так, як відрізняється звучання однієї балалайки і цілого оркестра»; «треба пожвавити в'їзд в Україну російських капіталістів»; «Буде план увійти до ЄС через СЕП»; «раніше їх називали предателями, а зараз їх називають діаспорою»; «було видно українське тіло, українські волосся»; «хохли стануть нацією»; «Мочить хохлов в Інтернеті – це така робота!»; «Крим і Росія мають спільні історичні корні»; «Крим – це особливий регіон Росії»; «Росія повинна взяти Крим в оренду»; «Севастополь – це

один з міст СНГ»; «вокруг Донбасса единоверная, единокровная и единоплеменная Россия», «политическое и экономическое значение столицы Украины может снизиться», «давайте решим вопрос об автономии Донецкой области», «Украина будет федеративным государством»; «Юго-восток Украины хочет быть с Россией»; «страна скатится в пропасть»; «Украина разваливается на наших глазах»; «в Украине нет две цивилизации, а одна, ... восточно-украинская цивилизация и западно-украинская цивилизация, ... Украина будет неминуемо расчленена»; «Украина – несостоявшееся государство, а украинцы – недержавообразующий народ!»; «в России четыре империи было. Вот сейчас мы будем строить пятую..., включая Украину»; «народ хочет гордиться своей страной, как он гордился нею 73 года»; «Россия без Украины – это пол-России, а Украина без России вообще не существует»; «Я не отделяю себя от россиян, потому что у меня мама белоруска, а папа – украинец ... Если мы сегодня создадим союз с Россией, мы сможем противостоять всей Европе ... Союз этот неизбежен»; «... нужно говорить про историю нашей общей родины – Российской империи»; «весь наш народ походить з Радянського Союзу»; «без России мы – ноль»; «украинский язык – это язык, который ассоциируется с бедностью»; «украинцы, русские и белорусы – это люди одной, славянской национальности»; «самая прочная крыша на сегодняшний день – партия регионов, ... большинство граждан Украины хотят видеть власть именно такой; ... и не надо строить из себя шаманов и кричать: «Украина у нас одна!»...», если нужно, то будет 2 Украины, или 5–6 Украин, ... всё предельно просто, как игра в напёрстки...» [4]. Подчеркиваем, что мы не анализировали дискуссии в Интернете и социальных сетях. Все представленные нами сообщения звучали в эфире общенациональных радио- и телеканалов Украины.

Комплексный подход позволил проследить динамику коллективной идентичности граждан Украины: 1) нивеляцию постсоветской идентичности (в 1991–1999 гг.); 2) возрастание этнической (в 1991–1999 гг.)

и религиозной (в 2001–2010 гг.) идентичности; 3) трансформацию общеславянской идентичности (в 1999–2010 гг.); 4) укрепление региональной идентичности (в 2006–2012 гг.); 5) поэтапное возрастание престижности национальной (гражданско-политической) идентичности в 2001–2014 гг.; 6) постепенное утверждение европейской цивилизационной идентичности в 1999–2014 гг. (хотя запрос на европейскость является очень сильным в украинском обществе, но наличие в украинских СМИ проевропейской риторики сочетается с полным отсутствием взвешенной политики коллективной идентичности в Украине); 7) синхронизацию подъемов и спадов в развитии национальной (гражданско-политической) и европейской цивилизационной идентичности в 1999–2013 гг. [3; 4; 5].

Проведенные нами теоретико-эмпирические исследования показали, что идентификационные матрицы двух групп респондентов существенно отличаются: для респондентов, у которых выявлен высокий уровень этнической, национальной (гражданско-политической) и европейской идентичности (**группа «В»**), характерна более конструктивная иерархия жизненных смыслов (у них доминируют экзистенциальные, альтруистические и самореализационные смыслы) и высший уровень патриотизма, чем для респондентов с низким уровнем этнической, национальной (гражданско-политической) и европейской идентичности (**группа «Н»**), у которых доминируют гедонистические и статусные смыслы. Но самым существенным аспектом этого исследования было то, что количество респондентов, которые предпочитают слушать радиоканалы и смотреть телеканалы, активно ведущие информационную войну против Украины (при этом они игнорируют все другие источники информации), существенно отличается в этих группах: в **группе «В»** только 5% таких респондентов, а в **группе «Н»** их 84% (данные за 2013 год). Таким образом, основным фактором, по которому эти две группы наиболее кардинально отличаются друг от друга, является фактор информационной безопасности: предста-

вители **группы «В»** ищут и используют необходимую им информацию, пользуясь разными источниками, а представители **группы «Н»** черпают необходимую им информацию преимущественно из тех СМИ, которые систематически нарушают информационную безопасность граждан Украины.

К сожалению, даже в условиях гибридной войны в Украине не было принято серьезных организационно-управленческих решений по созданию целостной системы противодействия информационной агрессии. Еще не все понимают, что информационное оружие имеет трансграничную поражающую силу, что в современных условиях обороноспособность Украины во многом зависит не только от профессиональной деятельности Вооруженных Сил, но и от эффективной защиты собственного информационного пространства, а также от умения сдерживать и предотвращать как внешнюю, так и внутреннюю информационную агрессию. В связи с этим необходимо: 1) разработать современную доктрину информационной безопасности Украины; 2) обеспечить более оперативное реагирование СНБО и СБУ на факты информационной агрессии со стороны других государств; 3) не транслировать фильмы и программы, которые имеют антиукраинское содержание, унижают национальные чувства и достоинство граждан Украины; вовремя давать профессиональный ответ тем зарубежным СМИ, которые стали рупором антиукраинской пропаганды и пытаются дестабилизировать политико-правовую и социально-экономическую ситуацию в Украине; 4) законодательно урегулировать процесс использования политическими партиями и финансово-политическими группами мощного ресурса СМИ, обезопасив граждан Украины от деструктивного воздействия ангажированных СМИ, распространяющих антиукраинские, асоциальные, аморальные представления и украинофобские настроения, нагнетающих страх, тревожность, апатию и т.д.; 5) разработать целостную систему гуманитарных технологий (с учетом психологического измерения информационной безопасности)

для развития патриотизма и противодействия деструктивным информационным влияниям; организовать мировоззренческую мобилизацию граждан Украины для укрепления ее обороноспособности; усилить государственную поддержку праздников и традиций, являющихся важной базой для консолидации украинского общества, конструирования общей идентичности и формирования украинской политической нации.

References:

1. Gillmor D. We the media: Grassroots journalism by the people, for the people D. Gillmor. – Cambridge., O'Reilly Media, Inc., 2004. – 334 p.
2. Brusnicyn H. A. Informacionnaja vojna i bezopasnost' [Information warfare and security], N.A. Brusnicyn. – Moscow., Vita-Press, 2001. – 280 p.
3. Voropaeva T. Issledovanie kollektivnoj identichnosti grazhdan Ukrainy v kontekste informacionno-psihologicheskoy bezopasnosti [Study of collective identity of Ukrainian citizens in the context of information-psychological security], T. Voropaeva., Psihologija bezopasnosti, psihologicheskaja bezopasnost' lichnosti: chelovek i obshhestvo. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 13-14 oktjabrja 2011 g. [Psychology of security, psychological security of the person: person and society. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. October 13-14, 2011], Edited by M.M. Dalgatova. – Mahachkala., IP Ovchinnikov (ALEF). – 358 p., pp. 31–34.
4. Voropaeva T. Nacional'na identichnist' gromadjan Ukraïni v konteksti informacijnoï bezpeki [National identity of Ukrainian citizens in the context of information security], T. Voropaeva., Ljudinoznavchi studii: Zbirnik naukovih prac' Drohobic'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Ivana Franka [Studies of human nature: proceedings of the Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University]. – Drohobich., 2009., Vipusk dvadcatij. Filosofija [Issue No. 20. Philosophy], pp. 16–35.
5. Voropaeva T. Stanovlenie evropejskoj identichnosti grazhdan Ukrainy [Formation of European identity of

Ukrainian citizens], T. Voropaeva., Development of modern psychology in a conditions of a permanent social crisis. – London., Published by IASHE, 2014., pp. 28–30.

6. Gubarev A.B. Informacionnye vojny kak obekt politologicheskogo issledovanija: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. polit. nauk: 23.00.02 [Information wars as an object of research of political science: abstract of the thesis for the Candidate of Political Sciences degree: 23.00.02]., A.B. Gubarev [Far Eastern State University]. – Ussurijsk., 2005. – 29 p.

7. Informacionnaja vojna. Portal «Sovremennaja armija». 2010–2014 [Information warfare. Portal “Modern Army”], Access: <http://www.modernarmy.ru/article/282/informacionnaya-voina>

8. Laminina O.G. Rol' informacionnoj bezopasnosti v politike [The role of information security in policy]., O.G. Laminina., Gumanitarnyj vestnik [Humanitarian bulletin]. – 2013., Issue 4., Access mode: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/polit/hidden/62.html>

9. Lisichkin V.A., Shelepin L.A. Tret'ja mirovaja (informacionno-psihologicheskaja) vojna [The Third World (information-psychological) War]., V.A. Lisichkin, L.A. Shelepin. – Moscow., Institut social'no-psihologicheskikh issledovanij ASN [Institute of socio-psychological research]., 2000. – 304 p.

10. Panarin I.N. Informacionnaja vojna, PR i mirovaja politika [Information warfare, PR and the World politics]., I.N. Panarin. – Moscow., Gorjachaja linija [Hotline] – Telecom, 2006. – 352 p.

11. Pochepcov G.G. Informacionnye vojny. Osnovy voenno-kommunikativnyh issledovanij [Information wars. Fundamentals of military communication studies]., G.G. Pochepcov. – Moscow., «Refl-book», «Vakler», 2000. – 576 p.

12. Rastorguev S.P. Informacionnaja vojna [Information warfare]., S.P. Rastorguev. – Moscow., Radio i svjaz' [Radio and communications], 1999. – 416 p.

Литература:

1. Gillmor D. We the media: Grassroots journalism by the people, for

the people / D. Gillmor. – Cambridge: O'Reilly Media, Inc., 2004. – 334 p.

2. Брусницын Н.А. Информационная война и безопасность / Н.А. Брусницын. – М.: Вита-Пресс, 2001. – 280 с.

3. Ворopaева Т. Исследование коллективной идентичности граждан Украины в контексте информационно-психологической безопасности / Т. Ворopaева // Психология безопасности, психологическая безопасность личности: человек и общество. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 13-14 октября 2011 г. / Под общей редакцией М.М. Далгатов. Махачкала: ИП Овчинников (АЛЕФ). – 358 с. – С. 31–34.

4. Ворopaева Т. Національна ідентичність громадян України в контексті інформаційної безпеки / Т. Ворopaева // Людинознавчі студії: Збірник наукових праць Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. – Дрогобич, 2009. – Випуск двадцятий. Філософія. – С. 16–35.

5. Ворopaева Т. Становление европейской идентичности граждан Украины / Т. Ворopaева // Development of modern psychology in a conditions of a permanent social crisis. – London: Published by IASHE, 2014. – P. 28–30.

6. Губарев А. Б. Информационные войны как объект политологического исследования : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук: 23.00.02 / А.Б. Губарев; [Дальневост. гос. ун-т]. – Усурийск, 2005. – 29 с.

7. Информационная война / Портал «Современная армия». 2010 – 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.modernarmy.ru/article/282/informacionnaya-voina>

8. Ламинина О.Г. Роль информационной безопасности в политике / О.Г. Ламинина // Гуманитарный вестник. – 2013. – Вып. 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/polit/hidden/62.html>

9. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война / В.А. Лисичкин, Л.А. Шелепин. – М.: Институт социально-психологических исследований АСН, 2000. – 304 с.

10. Панарин И.Н. Информационная война, PR и мировая политика / И.Н. Панарин. – М.: Горячая линия – Телеком, 2006. – 352 с.

11. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований / Г.Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук», «Ваклер», 2000. – 576 с.

12. Расторгуев С.П. Информационная война / С.П. Расторгуев. – М.: Радио и связь, 1999. – 416 с.

Information about author:

Tetyana Voropaeva - Candidate of Psychology, Associate Professor, Senior Research Associate, Kiev National University named after T. Shevchenko; address: Ukraine, Kiev city; e-mail: voropayeva-tania@rambler.ru

